

Актеры и роли

Абрикосов — Незнамов

Как надо играть Незнамова?

Предоставим в этом случае слово самому компетентному в данном вопросе человеку — Островскому.

В Центральной театральном музее им. Островского в Москве хранится письмо Островского, написанное им в 1885 году студенту-медику 2-го курса Павлу Константиновичу Дьяконову, игравшему в студенческом спектакле роль Незнамова, ставшему впоследствии драматическим актером.

«И в саркастической улыбке у него проглядывает румянец юности и конфуз. Когда он понял, что встретил частую натуру, невиданную им, он остолбенел, — он рот разинул от удивления; он потерялся, он ищет и не может найти тона; прежний его разговор показался ему не только дерзким, но, что еще ужасней для него, глупым. Незнамова очень трудно играть: в нем есть и дурное и хорошее».

Когда Абрикосов — Незнамов появился на сцене, — сразу стало ясно, что это именно он из почтенного Мухомоева сделал что-то вроде отбывной козлетки.

Рослый, юный, крепкий, не спившийся, отнюдь не красавец, Незнамов взволнованно произнес свою первую фразу: «Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу. Как вы думаете: по искусству или по ремеслу?».

И в этих немногих словах сразу наметился образ протестующего, обличающего, озлобленного и одинокого Незнамова.

У Незнамова несколько необычная, но привлекательная внешность. На нем мягкая черная шляпа, крылатка, поношенный, но опрятный костюм. Абрикосов играет Незнамова без традиционных сапог, без парика, почти без грима.

У Незнамова — Абрикосова крепкий, уверенный, «красноречивый» кулак. Им он бьет Мухомоева, им грозит самодовольному Милловзорову, Шмаге и губернатору, поддерживающему устои того социального порядка, при котором безвинных людей можно травить и безнаказанно оскорблять.

В драматургической литературе у Незнамова есть двойники, прототипы. Это Ричард и Артур, герои пьес «Ричард Секедз, или мать и сын» Карла Гупкова и «Артур, или шестнадцать лет спустя» неизвестного автора. Островский, когда писал «Без вины виноватые», находился под несомненным влиянием пьес Гупкова и неизвестного французского драматурга, переведенного на русский язык театральным критиком Межевичем (под псевдонимом Л. Л.). Однако и Артур и Секедз написаны слащаво и неубедительно. Оба они, подобно Незнамову, находят своих матерей и вызывают жалость. Но их страдания и радости напыщенны и фальшивы, в то время как чувства Незнамова глубоки и правдивы. Такова власть огромного реалистического таланта Островского.

Подушевая история спенических воплощений Незнамова дает весьма ценный познавательный материал. Роль Незнамова Островский написал специально для артиста Малого театра Рыбакова, сына прославленного трагика Николая Хрисанфича Рыбакова, упоминаемого в «Лесе». С него же, вероятно, списал Островский и своего Несчастливцева. Первый исполнитель Незнамова играл эту роль с большим драматическим подъемом.

Эффектно, но неверно играл Незнамова Мамонт Дальский. Говорят, что «Без вины виноватые» самая «нерусская» из всех пьес Островского. Не спорим. Но из этого же не следует, что Незнамова надо играть в плане шиллеровских героев, как это делал Дальский.

Ближе всего к Островскому было исполнение роли Незнамова Остужевым. Он играл просто, сильно и глубоко. Когда Остужев — Незнамов опускал свою горячую, буйную голову на колени Кручининой (ее играла Ермолова), в зрительном зале тысячи сердец учащенно бились, радуясь встрече матери с сыном, которых разделили алчные, злые, беспринципные люди.

Фальшиво и слезливо играли Незнамова «неврастеники», одно время монополизовавшие эту роль для своего амбула. В кудрявых паричках, в косоворотках и сапожках они сентиментально произносили огневые слова Незнамова, били бокалы с шампанским во время знаменитого монолога в последнем акте и кричали в конце пьесы «матушка, мама!» до тех пор, пока из темноты зрительного зала не раздавалось ответное истерическое всхлипывание... Это были скорее Ричарды и Артуры, чем Незнамовы.

Образ подлинного Незнамова, негодующего и оскорбленного, создает Абрикосов в театре им. Вахтангова. Он играет смело, свежо, неожиданно. Были в спектакле моменты, когда под смятым костюмом провинциального актера Незнамова мне чудились одежды генерала Отелло. И это неплохо. Абрикосов много раз играл Отелло, и частицы души венецианского мавра живут в его Незнамове.

Отелло обвинив, но доверчив. Доверчив и Незнамов. Даже Милловзорову и Каринкиной, к которым он относится особенно подозрительно (злые языки страшнее пистолета), удается осуществить свой «заговор» и убедить его ехать на вечер к Дудкину.

У Отелло любящее детское сердце. И сердце Незнамова по-детски открыто для большой сыновней любви. Немногих искренних и теплых слов Кручининой было достаточно для того, чтобы Незнамов снял маску праздного гуляки, стал краснеть за самого себя, заговорил настоящим, своим языком. «Бог с вами!» — говорит в этой сцене Незнамов, расставаясь с Кручининой. Сколько тепла, как бы накопленного за много лет, вкладывает Абрикосов в эту фразу. Если Абрикосову доведется когда-либо сыграть Гамлета, я уже слышу, как будет говорить он: «Спокойной ночи, королева».

Незнамов не похож на своего отца. Он не унаследовал от Муроа ни одной из его «характерных» черт. Муров — эгоист, трус, карьерист, человек алчный и фальшивый. Незнамов же искренен, прям, открыт, полон прекрасных человеческих качеств. Абрикосов в своем исполнении старательно выделяет эти высокие, благородные качества Незнамова. Зритель чувствует, что бравада и грубость, молодечество и ухарство Незнамова лишь маскировка, инстинкт ежа, которого разозлили, и он стал колючим.

Незнамов живет среди косного, насквозь прогнившего общества. Незнамов дышит затхлым воздухом кулис маленького провинциального театра. Незнамова окружают пошляки откровенные и пошляки с обличьем добродушных старичков, мепенатов, покровителей искусства, друзей актеров и, главным образом, актрис. И Незнамов прячет от них свои лучшие чувства вместе с медальоном, надетым на него 17 лет назад. Казалось бы, что Незнамов должен был давно прогнать этот субъект. Жалованье он получал маленькое. В то же время он был завсегдатаем трактира «Собрание веселых друзей» и волил компанию со Шмагой, который, не задумываясь, продавал свое единственное пальто, купленное на деньги Кручининой. Но Незнамов не пропил медальона — в нем жила смутная надежда найти свою мать, которую он любил, бранил. В этом медальоне лежал незнакомый светлый ребячий локон и на него смешило и любопытно было смотреть черноволосому Незнамову.

В отчетном спектакле Абрикосов, если не ошибаюсь, в первый раз выступал в роли Незнамова на сцене театра им. Вахтангова. Абрикосов волновался и не везде одинаково искусно владел голосом и страстями, кипилицами в нем с большой силой, — то несколько форсировал звук, то неожиданно затихал, невольно впадая в общий приглушенный тон спектакля.

Знаменитый монолог последнего акта — гост за матерей, которые бросают своих детей, Абрикосов произносит с большим подъемом и силой. Однако артисту очень мешает в этой сцене режиссерский трюк: после первой фразы Незнамова паясничавший Шмага, копируя жест Дудкина, кричит «Музыка!», и оркестр начинает играть туш. Ну, кому это надо? Смешно? Нисколько. По Островскому? Ничего подобного. А как это плохо влиет на исполнителя, как выбивает его из настроения. Я видел, как трудно было Абрикосову «во второй раз» начинать монолог, к которому он долго и сосредоточенно подготавливался.

Незнамов — герой. В нем особая, своя, незнамовская красота, злобная гордость уязвленного самолюбия, скрытая боль страдающего без вины человека.

Незнамов Абрикосова — страстный и гневный Незнамов.

Его устами говорит сам Островский, поднимающий голос в защиту тех, кто является жертвой капиталистической системы.

В спектакль Вахтанговского театра Абрикосов — Незнамов принес большое чувство, подлинный темперамент, обжигающее слово.

ВИКТОР ЭРМАНС

Театр им. Вахтангова. «Без вины виноватые». Абрикосов — Незнамов